

# ПОЛКОВНИК УИЛЬЯМ КЛАРК ФОЛКНЕР: НА ПУТИ К КОНСОЛИДАЦИИ СЕВЕРА И ЮГА

А.В. Володина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,  
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

*В статье изучается жизнь и творчество Уильяма Кларка Фолкнера (1825-1889) – прадеда знаменитого писателя. Рассматривается, насколько соотносится легенда о южном полковнике-кавалере с реальной биографией, в какой степени мифологизирована его фигура. Проводится сопоставление реального Полковника Фолкнера с персонажами его произведений. Исследуется главное произведение Полковника Фолкнера как писателя – роман «Белая роза Мемфиса». Рассматривается жанровое своеобразие этого романа как образца южной прозы, анализируются аллюзии на произведения Вальтера Скотта, У. Шекспира и У.Г. Симмса, главного романиста Юга США XIX в. Изучается идейное содержание романа, трансформация канона образа южного кавалера. Формально оставаясь верным традиции, Фолкнер идёт на разрыв с ней в идеологическом плане, представляя новый тип героя, который отказывается от устаревшего кодекса чести южного кавалера в условиях новой – единой – Америки. Объединяя в себе добродетели, традиционно приписываемые Северу (практичность, деловая хватка, расчетливость) и Югу (отвага, великодушие, щедрость), герой нового времени оказывается способен примирить враждующие идеологии.*

**Ключевые слова:** полковник Фолкнер, литература Юга Америки, южная мифологема, «Старый добрый Юг», южный кавалер, южный кодекс чести, проигранное дело, Сарторис, Непобеждённые.

Уильям Кларк Фолкнер (1825 – 1889) известен прежде всего как легендарный Полковник, послуживший прототипом персонажей романов своего великого правнука Уильяма Катберта Фолкнера («Сарторис»/«Флаги в пыли», «Непобеждённые»). Образ Джона Сарториса, лишённого полковничьего чина, промышляющего обманом янки, застреленного на площади бывшим компаньоном, во многом списан с Уильяма Фолкнера-старшего. Фигура Фолкнера-старшего уже при жизни была овеяна легендами, чаще всего созданными им самим же; эта страсть к преувеличениям, к окружению себя романтическим ореолом характерна для южан. С другой стороны, Фолкнера отличали расчётливость, деловая хватка – черты, столь не свойственные южанам. Во многом Фолкнера-

старшего можно рассматривать как человека, в котором Юг и Север могли бы примириться, а его самый амбициозный проект – железную дорогу, которая должна была соединить два прежде враждующих края, – как символический акт единения, необходимый для построения новой Америки.

Уильям Кларк Фолкнер родился около 1825 года<sup>1</sup>, в Кноксвилле, Теннесси. После смерти отца в 1837 году семья переехала в Миссури, а в 1842 году он отправился в Миссисипи к дяде по материнской линии Джону Уэсли Томпсону. В это же время Томпсон сидел в тюрьме Рипли за убийство в драке, потому не смог помочь юноше. Здесь же рождается первая легенда, рассказанная о себе Фолкнером-старшим много позже: не отыскав дядю, он сел на пороге местной гости-

<sup>1</sup> Биографические сведения о У.Фолкнере приводятся на основе следующих работ: Blotner J.L. Faulkner: A Biography; Williamson J. William Faulkner and Southern History. – N.Y.: Oxford UP, 1993; Parini J. One Matchless Time. – N.Y.: Harper Collins, 2009; Wildmon A. Colonel William C. Falkner: Death on the Courthouse Square. – Denver (CO): Outskirts Press, Inc., 2011; Анастасьев Н.А. Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер) / Предисл. Н.Полка. – М.: Книга, 1991.

ницы и заплакал, но маленькая девочка Лиззи Вэнс пожалела его и попросила свою мать ему помочь; в итоге удалось отыскать супругу Томпсона, которая и взяла Фолкнера на своё попечение. Томпсон, который, опять же по семейной легенде, за время пребывания в тюрьме выучился юриспруденции, сумел оправдать себя перед судом, впоследствии стал преуспевающим юристом, а позже судьёй округа.

Под покровительством дяди Фолкнер продолжил изучение юриспруденции, одновременно подрабатывая в окружной тюрьме. В 1845 году произошло событие, которое позволило блеснуть ему и отвагой, и деловой хваткой, и литературными талантами. Фолкнер принял участие в поимке Маккэннона, убийцы и грабителя. В Рипли, когда толпа собралась линчевать преступника, Маккэннон вымолил у своих конвоиров право на законное правосудие в обмен на рассказ о своей жизни. Именно Фолкнер записал «Жизнь и признания А.Дж. Маккэннона, убийцы семьи Эдкок», а позже, в день казни, продавал брошюру зевакам по доллару за штуку. После этого он сумел распродать ещё несколько тиражей, потому ещё долгое время не знал нужды. «Не всем понравилось, что Фолкнер использовал казнь Маккэннона для наживы, однако это событие выявило черту характера Уильяма, определившую ход его жизни: стоило ему увидеть возможность продвижения, он действовал быстро и дерзко, чтобы получить наибольшую выгоду, и при этом его редко останавливало потенциальное осуждение общества, в котором он жил» [15, с. 17].

В начале 1847 года Фолкнер в качестве добровольца присоединяется к Мексиканской кампании. Однако в апреле того же года он, находясь вдали от лагеря, по его словам, подвергся нападению бандитов и, получив ранение, был признан негодным для дальнейшей службы. Вернувшись, он женился и вскоре стал отцом. Его супруга, Холланд Пирс, была богатой наследницей, потому они смогли приобрести землю и несколько рабов. Но в 1849 году удача отвернулась от Фолкнера: жена умерла, оставив его одного с маленьким сыном Джоном. Решив, что сыну необходима полноценная семья, Фолкнер отдаёт его на воспитание бездетной паре Томпсонов. В том же году началась длительная вражда с Хиндменами, самым влиятельным и богатым родом округа.

Поводом послужило то, что в случайной схватке Фолкнер убил ножом Роберта, старшего сына плантатора Томаса Хиндмена. Хотя это убийство было признано самообороной, Хиндмены надолго затаили вражду. Спустя два года, когда Фолкнер убил уже друга семьи Хиндменов и вновь оказался оправдан (стоит отметить, что в качестве прокурора выступал Дж. У. Томпсон), едва не состоялась дуэль с Томасом Хиндменом, а позже и с его вторым сыном, однако кровопролитие удавалось предотвратить. Противостояние проявлялось не только в постоянных схватках, но и на других уровнях: так, в 1849 году Хиндмен-старший препятствовал получению Фолкнером пенсии, положенной ему как ветерану Мексиканской войны. Опираясь на слова покойного к тому моменту Роберта Хиндмена, служившего с Фолкнером в одном полку, Хиндмен-старший утверждал, что Фолкнер был ранен не в бою, а в драке с мексиканцами из-за женщины, и к тому же сильно преувеличил полученные травмы. На какое-то время выплата содержания была заморожена, но после личного визита Фолкнера в Вашингтон выплаты возобновились, а репутация Хиндмена, который, как оказалось, сам подделал некоторые документы для увеличения содержания сына, была подпорчена.

В 1851 году Фолкнер вступает в брак с Элизабет Х. Вэнс – той самой «малышкой Лиззи», некогда счастливо поучаствовавшей в его судьбе. История их брака окружена романтическими легендами: знакомство в детстве, сопротивление родителей Элизабет помолвке, тайный брак. Однако, по утверждению Дж. Уильямсона, в действительности это не более чем легенды: в год прибытия юного Фолкнера в Рипли Элизабет там не было, а к моменту их бракосочетания её родителей уже не было в живых, потому недовольство браком могла высказывать лишь старшая сестра Мэри Джейн. У пары было восемь детей. Известно, однако, ещё об одном ребёнке Фолкнера – цветной дочери Фанни, рождённой около 1866 года от бывшей рабыни [15, с. 64-70].

В 1850-х гг. Фолкнер ведёт активную деятельность: в качестве адвоката берётся за все дела (карточные долги, хулиганство, драки, публичная ругань, публичное пьянство, незаконная продажа алкоголя), занимается перепродажей земли и рабов, политикой (член партии «Ничего-не-знаю»<sup>2</sup>), периодически выступает редактором

<sup>2</sup> Партия «Ничего-не-знаю» («Американская партия», конец 1840-х – начало 1850-х гг.) – националистическая партия, основная деятельность которой на Севере была направлена против ирландцев-католиков. На Юге вопрос иммиграции стоял менее остро, потому партия занималась внутренними делами региона.

партийной газеты «Дядя Сэм». К 1860-м гг. Фолкнер стал преуспевающим дельцом и юристом, однако этим его амбиции не ограничивались: он мечтал прорваться в высший класс, хотя не являлся ни первопоселенцем Рипли, ни членом рабовладельческой аристократии.

Возможность для продвижения Фолкнеру дала война. Сразу после её начала в 1861 году он первым собрал и возглавил в округе Типпа батальон, который вошёл в полк добровольцев Миссиссипи. Так Фолкнер получил чин полковника. Однако в следующем году во время перевыборов ему пришлось уступить звание Дж. М. Стоуну, победившему с перевесом в десять голосов. Фолкнер потребовал повторного голосования, однако вновь проиграл. Хотя и считалось, что победу Стоуну принесла популярность среди солдат, а не профессионализм, в действительности он не уступал Фолкнеру в военном деле, если не превосходил его [15, с. 43].

Лишённый звания, Фолкнер вернулся в Рипли, однако уже в июле 1862 года он набирает отряд добровольцев, совершавший набеги на янки и захватывающий их запасы. Набеги эти были большей частью безуспешны, и осенью 1862 года, когда Рипли был сдан Федерации, Фолкнер со своей командой бежал.

После двухлетних безуспешных попыток получить звание бригадира Фолкнер подал в отставку. На два года он исчезает из поля зрения; предположительно, в это время он вместе со своим будущим партнёром по бизнесу Ричардом Термондом занимался добычей и перепродажей лекарств, соли, одежды – того, что было на Юге в дефиците. Подобная контрабанда была незаконной и опасной, зато крайне прибыльной.

После войны Фолкнер, в отличие от многих, избежал разорения. В разрушенном Рипли он довольно быстро сумел приобрести землю под офис и дом, не забывая о жертвованиях на восстановление города и, в итоге, стал одним из богатейших и значительнейших людей города, впрочем, уступая в богатстве своему партнёру Термонду. Вместе с ним Фолкнер и задумал свой амбициозный проект железной дороги, соединившей Рипли с Миддлтоном. Ради осуществления этого проекта оба заложили фактически всё, что у них было, взяли кредиты у северян и в 1871 году основали железнодорожную компанию. Однако спустя 15 лет пути Фолкнера и Термонда разошлись: Фолкнер настаивал на продлении дороги вплоть до Чикаго, Термонд считал разумным остановиться на достигнутом. В итоге

Фолкнер выкупил долю Термонда на крайне невыгодных условиях, после чего напарники стали врагами.

Не лучшим образом к этому времени складывалась и семейная жизнь Фолкнера: старший сын Полковника Уильям Генри вёл беспутную жизнь в азартных играх и дуэлях и в итоге погиб в 1878 году. Главной версией-легендой гибели Генри остаётся изложение самого Фолкнера: после смерти сына к нему, якобы, пришёл местный ювелир и сказал, что он был вынужден убить Генри, чтобы защитить свою честь (Генри был любовником его жены). На это Полковник ответил: «Всё в порядке. Я полагаю, мне бы самому пришлось его когда-нибудь пристрелить» [15, с. 54]. Ухудшались и отношения с женой, в результате Элизабет с дочерьми переехала в Мемфис. В итоге, отстроив большой прекрасный дом с колоннами, Фолкнер остался в нём совершенно один.

Пятого ноября 1889 года Полковник был застрелен Ричардом Термондом на городской площади. Существует две версии случившегося: согласно версии сторонников Фолкнера, Термонд вышел из своей конторы, мимо которой проходил Фолкнер с друзьями, и без повода выстрелил в упор. По версии защитников Термонда, Фолкнер, будучи нетрезвым (отпраздновав своё избрание в законодательное собрание), подошёл к окну офиса Термонда и начал оскорблять бывшего партнёра, размахивая пистолетом, так что со стороны Термонда имела место лишь защита чести. Более вероятной кажется вторая версия: Фолкнер часто провоцировал Термонда, публично оскорбляя его, обвиняя в обкрадывании вдов и детей; случались и схватки, и судебные разбирательства. Позже один из внуков Фолкнера скажет, что Полковник вынуждал Термонда с ним покончить [15, с. 56]. Термонд был оправдан не только благодаря лучшим юристам, но и оттого, что неумный нрав Фолкнера был всем хорошо известен: «Немногие в Типпа готовы были убить Фолкнера, как это сделал Термонд, но раз уж это случилось, многие готовы были оправдать его поступок». [15, с. 60].

Седьмого ноября 1889 года Уильям Фолкнер был похоронен на городском кладбище. На похороны пришло множество людей со всего округа. Примечательно, что Фолкнер, предчувствуя развязку конфликта, написал своё первое и единственное завещание за две недели до смерти. Детям он оставил имущество в полмиллиона долларов. На его могиле был установлен мраморный памятник.

Поскольку фигура Полковника рассматривается чаще всего через призму творчества и воспоминаний Фолкнера, стоит подробнее остановиться на вопросе, насколько позволительно ставить знак равенства между реальным Полковником Фолкнером и вымышленными персонажами – Сарторисом или Сатпенем?

В судьбе Фолкнера-старшего, безусловно, прослеживается архетипическая для Юга двойственность. С одной стороны, типичные южные черты характера и биографии: юриспруденция как достойное джентльмена занятие, добровольное участие в войнах, благотворительность как проявление щедрости и благородства, южная пылкость, следствием которой стало соперничество и кровная вражда, азартные игры и дуэли; типично и наличие второй, негритянской, семьи. Однако многое не вписывается в образ исконного южанина. Весьма точна характеристика Фолкнера, которую даёт Дж. Уильямсон: «Он не был по характеру деятельности ни Сарторисом, ни Сатпенем – просто городской житель, бизнесмен, юрист, извлекавший из всего выгоду и при этом не имевший ни плантации, ни рабов – этим и отличаясь от других» [15, с. 36]. И действительно, вопреки распространённому мнению, Фолкнер-старший никогда не стремился стать крупным плантатором, как полковник он тоже особых высот не достиг: единственным его успехом считалась битва под Манассом; своей военной славой он обязан скорее историям сына, сам же при жизни предпочитал вспоминать о Мексиканской войне. Фолкнер был прежде всего преуспевающим дельцом, а это требовало от него расчётливости, гибкости в отношении с Севером и игнорирования многих условностей, принятых в южном сообществе.

Однако образ Сарториса ближе к Фолкнеру-старшему, чем образ Сатпена: безусловно, история противостояния Сарториса и Редмонда в «Непобеждённых» [5, с. 149-150] списана с вражды Фолкнера и Термонда. Стоит принять во внимание и существенное отличие Сатпена и Сарториса:

– Вот уж у кого (Сатпена – А.В.) действительно своя грёза.

– Да, но он занят только собой. А у Джона (Сарториса – А.В.) не то. Он хочет весь край вытащить за волосы, чтобы не только родня или однополчане, а все – белые и чёрные, босые женщины и дети в горных лачугах – понимаешь? [5, с. 148]

Деятельность Полковника действительно была направлена на извлечение выгоды не толь-

ко для себя, но и для всего родного края. Неуёмный темперамент и амбициозность вынуждали его быть первым во всех начинаниях, будь то поимка убийцы, военная кампания, строительство железной дороги или благотворительность. Увы, стремление к первенству постоянно подталкивало Фолкнера вступать в соперничество с теми, кто в чём-либо его превосходил, что и привело его в итоге к гибели: южная пылкость всё же обладала над северным благоразумием.

Для творчества своего правнука Фолкнер-старший имеет значение не только как прототип персонажей романов, но и как литератор. Уильям Катберт Фолкнер признавал, что читал произведения прадеда, хоть и относился к ним с большим скепсисом: «Он (Полковник – А.В.) занимался понемногу всем на свете, вот ему и надо было ещё попробовать написать книгу» [11, с. 233].

Фолкнер-старший пробовал себя в разных жанрах: автобиографическая поэма («Осада Монтеррея», 1851), приключенческий роман («Испанская героиня», 1851), военная драма («Потерянный бриллиант», 1867), романы («Белая роза Мемфиса», 1881; «Маленькая кирпичная церковь», 1882), путевые заметки («Беглые прогулки по Европе», 1884). Снискавшим самый большой успех оказалось романтическое произведение «Белая роза Мемфиса»: книга была переиздана 35 раз и продана тиражом в 160 тыс. экземпляров. Уильям Катберт Фолкнер невысоко оценивал главное произведение прадеда: признавал его плохой книгой [11, с. 233], в которой «все мужчины храбры, а женщины чисты» [9, с. 34], называл его формой чистого эскапизма, творением человека, лишённого чувства юмора и чуткости; претило ему и явно проявившееся в романе влияние Вальтера Скотта.

Однако это произведение не настолько однозначно: форма и содержание в нём не дополняют, а противоречат друг другу. Полковнику Фолкнеру удалось отразить амбивалентность, шаткость послевоенной действительности, в которой прежние южные ценности сталкиваются с новым порядком – тема, которая и через пятьдесят лет не утратит своей актуальности, найдя воплощение в романах Уильяма Катберта Фолкнера.

По форме роман «Белая роза Мемфиса» является собой характерное для южной традиции сплетение устного и письменного жанров. Завязкой романа служит спуск на воду корабля «Белая роза Мемфиса». На маскараде собира-



ются путешественники, которые в продолжение бала решают остаться инкогнито до конца поездки; на корабле при этом скрывается беглый преступник, разыскиваемый полицией. Чтобы скоротать время, путники решают рассказывать разные истории. Здесь несомненно влияние романа известного литератора Юга У.Г. Симмса – «Вперед, на Юг!» (1854), обладающего, казалось бы, той же чосеровской композицией: у Симмса также на корабле собираются путники и решают скоротать время занимательными рассказами, в каждом из которых в той или иной степени осуждается северный образ жизни и прославляется южный [2]. Однако в романе Фолкнера-старшего попытки сравнения Юга и Севера путниками пресекаются сразу же: «Да похороним прошлое и восславим дружбу Юга и Севера. Обе стороны совершили ошибки – так пусть же обе стороны возвратятся на верный путь. Извлечём же урок из нашего печального опыта – научимся прощению и патриотизму и будем ждать времени, когда жестокая война позабудется. (...) Это была семейная ссора, и семья её разрешила (...)! Да воцарится мир и добрая воля, братская любовь и честность между Севером и Югом, а тех, кто размахивает залитой кровью рубашкой, пусть заберёт Сатана!» [10].

В начале романа Фолкнера-старшего читателя поджидает первая ловушка: вместо череды не связанных между собой рассказов повествуется лишь одна история. Эта история прерывается незначительными отступлениями: побочной линией путников, диалогами слушателей, которые строят предположения, кто скрывается под масками и кто же является истинным преступником. Форма усложняется тем, что вымышленная развлекательная история воспринимается как замаскированное признание (именно в рассказчике «Ингомаре» слушатели поначалу угадывают сбежавшего преступника), а впоследствии оказывается лже-признанием (поскольку преступник – заклятый враг «Ингомара»). Затруднительно однозначно определить жанр этой истории: в нём есть черты сентиментального романа с обилием писем (будто бы цитируемых рассказчиком наизусть), и детективного, и приключенческого романа.

Отчётливо прослеживаются типичные для Юга литературные влияния, отражаются литературные вкусы и интересы южан. Дж. Блот-

нер указывает, что «количество цитат, аллюзий и отсылок удивительно для человека, который был по сути самоучкой. Опираясь где-то на три дюжины писателей<sup>3</sup>, большей частью он цитирует Шекспира, Библию и сэра Вальтера Скотта – именно в таком порядке» [8, с. 23]. Действительно, романы Вальтера Скотта постоянно упоминаются, более того, персонажи одеты в исторические костюмы, чаще всего это костюмы героев романов Вальтера Скотта, что требует поведения сообразно соответствующему кодексу правил (речевой этикет, манеры и т.д.). Благодаря этому история получает дополнительное – рыцарски-кавалерское – оформление, отчасти обуславливающее высокопарность и старомодность повествования.

В описании детства героев прочитывается влияние Диккенса (в частности, упоминается «Крошка Доррит»): дети-сироты показаны ангелами, чистота которых в итоге непременно вознаграждается, несмотря на многие беды. Актуализируется и шекспировский текст (на Юге были популярны упрощённые переделки шекспировских драм [3, с. 19]). Упоминается «Макбет» (пара совершает злодеяние ради собственного продвижения), «Много шума из ничего» (для тайных встреч с любовником миссис Рэглэнд надевает платье Виолы, в итоге в неверности обвиняют Виолу). Но больше всего отсылок к «Ромео и Джульетте» как на уровне прямых цитат, так и аллюзий. Например, Лотти признаётся в любви при помощи шекспировской цитаты и добавляет: «Моя любовь к тебе подобна той, что испытывала Джульетта к Ромео», на что следует благоразумный ответ Эдварда: «Чувство очень сладкое, и язык подходящий и выразительный, но я верю, что наша любовь не закончится так же печально, как у Ромео и Джульетты» [10]. Эта тема продолжается и в родительском сопротивлении браку влюблённых, и в едва не состоявшейся дуэли Эдварда с братом Лотти. Тема несчастной любви развивается и в побочной линии южанина Ролли Берка и северянки Кейт Дарлингтон: «Разве Джульетта не полюбила сына злейшего врага своего отца? Да, но, увы! К какому трагическому финалу привела эта любовь! Что-то подсказывает мне, что и эта любовь окончится несчастьем. Но погодите-ка: почему бы отцу быть врагом Ролли? Почему бы мне не любить капитана Берка?.. Отец полюбит его, ког-

<sup>3</sup> Потому кажется несправедливым мнение Уильяма Катберта Фолкнера, что сэр Вальтер Скотт был единственным писателем, которого читал прадед [9, с. 34].

да узнает его лучше» [10]. Увлечённость аффектами уравнивается постоянными призывами к благоразумному разрешению конфликтов: трагическая развязка вовсе не обязательна, если подходить ко всему рассудительно.

Если в целом роман скорее подражает популярным образцам, то устные элементы оказываются более живыми и самобытными. Особый интерес представляет кульминационная сцена судебного разбирательства, в которой юрист Фолкнер, неоднократно бывавший в суде и как обвиняемый, и как адвокат, смог отказаться от подражания, обратившись к личному опыту. Он резко меняет регистр повествования: на смену высокому стилю кавалерского романа приходит сниженная лексика и сатирические элементы. Так, например, откровенно высмеивается суд присяжных, состоящий из «белой голи» и негров: «...если кто-нибудь был бы связан контрактом по снабжению первоклассной психиатрической лечебницы дюжиной подходящих субъектов, он вполне законно мог использовать этих присяжных в счёт своего долга» [10]. В этой сцене можно увидеть элементы ещё одного жанра – минстрел-шоу: один из присяжных не знает, как его зовут, другой, сколько ему лет, третий рассказывает, как поменялся с соседом женой, и в итоге от него сбежали обе супруги.

Однако наличие некоторых самобытных элементов едва ли позволяет называть «Белую розу Мемфиса» произведением, обладающим художественной ценностью. По форме роман остаётся типично, даже утрированно «южным» произведением, в котором традиция довлеет над любыми проявлениями индивидуальности. Композиционно роман представляет собой скорее совокупность общих мест, не всегда умело собранных воедино. Наибольший интерес вызывает контраст формы и содержания, поскольку Фолкнер обнаруживает идеи, если не совсем оригинальные, то для Юга эпохи Реконструкции в целом нетипичные.

В это время на Юге популярностью пользовались произведения, поддерживающие мифологему так называемого «проигранного дела» – представления, что несмотря на поражение, южане не обязаны смиряться перед Севером и принимать чуждый уклад, а должны сохранить свою инаковость, самоощущение «страны в стране», поскольку южная цивилизация изначально расценивалась как более благородная (Д.В. Кейбл, Т.Н. Пейдж). Это представление является закономерным продолжением довоенного «кавалер-

ского мифа», отражённого в романах Дж. Такера, У. А. Карузерса, У. Г. Симмса, Д.П. Кеннеди.

Южный джентльмен прошёл путь от доблестного «вирджинского кавалера» [12] – потомка английской знати до патриарха плантации, а с приходом Гражданской войны он вновь стал кавалером – теперь уже Конфедерации. Однако если герой не гибнет на войне, то в новых условиях джентльмену придётся или потерять всё во время Реконструкции, или же начать сотрудничать с новым режимом, предавая свой кодекс чести. Именно южный кодекс чести, предполагавший великодушие и щедрость по отношению к слабым, гостеприимность, уважительность, сохранение достоинства при общении с равными и высшими, подобострастие перед общественным мнением [4, с. 181], преклонение перед пьедесталом Дамы, защиту чести на дуэли, являлся основным регулятором поведения джентльмена [16].

Интересно проследить, как достигший наибольших высот именно в послевоенной единой Америке Фолкнер показывает возможные пути джентльмена в новом мире. В центре романа Фолкнера противопоставление Эдварда Дэмера и Гарри Уоллингфорда, наделённых разными представлениями о назначении джентльмена в послевоенной Америке. Само словосочетание «идеальный джентльмен» неоднократно появляется на страницах романа, однако оно уже не имеет той однозначно положительной коннотации, становится поверхностной характеристикой, утрачивает связь с изначально вложенным в него значением «кавалера». Так, упоминается, что отец Эдварда был настоящим джентльменом, что, впрочем, не помешало ему спиться и спустить как своё состояние, так и приданое жены. «Идеальным джентльменом и человеком чести» на основании одной лишь показной изысканности манер признаётся как главный злодей романа Боулз, так и коварный соперник Эдварда Хартсэлл.

Неоднократно подчёркивается, что Гарри – истинный джентльмен, однако его «джентльменство» не является поверхностным, оно связано с кавалерским кодексом чести настолько, что зачастую вызывает недоумение и даже раздражение у современников своей чрезмерностью. Стремление соответствовать образу идеального джентльмена требует от Гарри постоянных жертв. Так, в высшей степени щепетильно отношение Гарри Уоллингфорда к деньгам, ведь показаться несостоятельным приравнялось к позору, которого стремились избежать всевоз-

можными ухищрениями. Гарри воспринимает любую бескорыстную помощь как подачку, что изначально кажется окружающим ребячеством. Он категорически не принимает бесплатного лечения сестры или в безвыходной ситуации он соглашается стать воспитанником юриста Роклэнда лишь при условии, что позже полностью с ним расплатится. Вместо восхищения подобная щепетильность вызывает раздражение Эдварда и доктора, справедливо полагающих излишними церемонии, когда речь идёт о здоровье Лотти, и обиду Роклэнда, также искренне желавшему принять участие в судьбе сироты.

В связи с подобным отношением к деньгам, естественно, что неравный брак представляется Гарри унижением. Несмотря на то, что богатый отец его возлюбленной с радостью готов отдать дочь за Гарри, тот отказывается от неравного брака, боясь осуждения общества. Наоборот, Эдвард в аналогичной ситуации даже и не задумывается о неравенстве, не боясь предрассудков и доверяя лишь своим чувствам, и этим он вызывает уважение опекуна возлюбленной, соглашающегося на помолвку молодых людей.

Абсурдность зависимости Гарри от общественного мнения проявляется в том, что оно лишено приписываемой ему высшей ценности. То самое общественное мнение, которым так дорожат на Юге, у Фолкнера утрачивает значение уже в силу отсутствия значимости его носителей – подчёркивается, что их суждения произвольны, вызваны завистью или скукой. Это или городские сплетницы, старые девы, или же неудачливые поклонники, обладающие говорящими фамилиями – «Болтливый рот» (Clattermouth), «Продажное сердце» (Heartsell). По утверждению Лотти, эти люди достойны скорее жалости, чем осуждения, ведь они не познали истинной любви.

Для джентльмена общественное мнение играет роль и в выборе профессии. Единственной фигурой, сопоставимой по значимости с плантатором в южном сообществе, оставался юрист – в разорившихся семьях юридическая карьера считалась чуть ли не единственным возможным способом решения финансовых проблем [13, с. 418-420]. Гарри также выбирает юриспруденцию, хотя занимается этим по традиции, вынужденно, талантами при этом не блещет. Эдвард тоже учится той же профессии, что и его опекун – доктор Додсон, однако профессия врача здесь представлена более достойной в силу своей безоговорочной общественной пользы, с одной стороны,

и отсутствия у неё ореола обязательной составляющей образа джентльмена, с другой.

Показательно отношение главных героев и к дуэли – одному из важнейших элементов кодекса южной чести. Фолкнер показывает намеренно запутанную ситуацию, в которой Гарри ошибочно обвиняет своего лучшего друга в обмане сестры. Вызов на дуэль оказывается излишне поспешной и необдуманной реакцией Гарри, а поведение Эдварда, всячески уклоняющегося от схватки, предстаёт как единственно правильное, как выбор человека благородного и благоумного одновременно. Несмотря на провокации секунданта Хартсэлла, апеллирующего к чести (но при этом желающего чужими руками избавиться от соперника), Эдвард отказывается принять вызов Гарри, говоря, что, во-первых, он против этого «варварского обычая, запрещённого законами и порицаемого обществом» [10], и, во-вторых, он не желает драться со своим другом. Именно такая позиция видится единственно разумной и позволяющей избежать Эдварду участи Ромео, а Гарри – Тибальта.

Кодекс чести, определявший поведение на предвоенном Юге, в новых условиях оказывается неуместным. Канон в качестве законсервированного кодекса, который бездумно переносят из «старого доброго Юга» в иное послевоенное время оказывается губительным в новой Америке. Потому возникает необходимость в появлении нового героя, свободного от предрассудков, открытого для изменений. Именно таким выступает Эдвард Дэмэр, вобравший в себя достоинства как южной, так и северной стороны: не высокомерный и расточительный джентльмен, а простой врач, он отличается отвагой и благородством, но в то же время рассудительностью, трудолюбием и практичностью.

Фолкнер, предвосхищая своего знаменитого внука, в образе Гарри Уоллингфорда показывает, что многие беды южан происходят от их же горячей непримиримости, нежелания встраиваться в новый мир. Всё же Фолкнер дарит Гарри счастливый финал, показывая, что путь к счастью лежит через смирение. Гарри женится и становится пастором, тем самым сближаясь с Эдвардом – этим новым героем, принявшим доктрину «доверия к себе». Однако итог эволюции Гарри показан постфактум, спустя годы после описываемых в романе событий, потому подобное перевоспитание не кажется правдоподобным – тем более, если помнить, как закончилась жизнь создателя «Белой розы Мемфиса».

Остаётся вопросом, кем же можно считать Фолкнера: славным Полковником, достойным войти в пантеон героев своего правнука как воплощение идеалов безвозвратно утраченного «старого доброго Юга», или же героем нового времени, человеком иной формации, дельцом, старавшимся принять правила игры победившего Севера? Если рассматривать жизнь Фолкнера как борьбу северного и южного начал, то стоит признать, что в финале истинным южани-

ном Фолкнера сделала смерть – от руки бывшего друга, посреди городской площади. В остальном он оставался неоднозначной личностью, одновременно воплощавшей и отрицавшей южные идеалы. Эта же двойственность спустя десятилетия отразится в творчестве Уильяма Катберта Фолкнера, когда он начнёт творить свой Юг с мифа о великом Полковнике – настоящем герое и истинном южанине.

### Список литературы

1. Алентьева Т.В. Писатель и журналист Юга Уильям Гилмор Симмс: от теории южного национализма к сецессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://america-xix.org.ru/library/alentieva-simms/>.
2. Анастасьев Н.А. Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер) / Предисл. Н.Полка. – М.: Книга, 1991.
3. Башмакова Л.П. Писатели старого Юга Д.П. Кеннеди и У.Г. Симмс / Л.П.Башмакова. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011.
4. Морозова И.В. «Южный миф» в произведениях писательниц Старого Юга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004.
5. Фолкнер У. Непобежденные // Фолкнер У. Собр. соч.: 6 т. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 3 – С. 7-171.
6. Фолкнер У. Сарторис. Шум и ярость / Пер. О. Сороки // Фолкнер У. Собр. соч.: 6 т. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1.
7. Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма / Сост. и общ.ред. А.Н.Николюкина / Пер. с англ. – М.: Радуга, 1985.
8. Blotner J. L. Faulkner: A Biography. – N.Y.: Random House, 1984.
9. Contwell R. Recollections of a Gifted family //ed. M. Thomas Inge / Conversations with William Faulkner. – UP of Mississippi, 1999. – p. 30-41
10. Falkner W. The White Rose of Memphis. – NY: M.A. Donohue & Co, 1909. [Electronic resource] – URL: <http://www.gutenberg.org/files/41134/41134-h/41134-h.htm>
11. Lion in the Garden: Interviews with William Faulkner (1926-1962) / Ed. J.B.Meriwether, M.Millgate. – Lincoln (NE): University of Nebraska Press, 1988.
12. Taylor W.R. Cavalier and Yankee: The Old South and American National Character. – Cambridge (MA): Harvard UP, 1961.
13. The Companion to Southern Literature. Themes, Genres, Places, People, Movements, and Motifs/ ed. By J.M. Flora, L.H. Mackethan. Baton Rouge, 2002. – 1054 p.
14. Wildmon A. Colonel William C. Falkner: Death on the Courthouse Square. – Denver (CO): Outskirts Press, 2011.
15. Williamson J. William Faulkner and Southern History. – N.Y.: Oxford UP, 1993.
16. Wyatt-Brown B. Southern Honor: Ethics and Behavior in the Old South. – Oxford (U.K.): Oxford UP, 1983.

### Сведения об авторе:

**Володина Анастасия Всеволодовна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии МГИМО (у) МИД России. Сферы научных интересов: литература американского Юга, У. Фолкнер, Т.Н. Пейдж, Т. Диксон, эстонистика. Эл. адрес: [asya\\_v-07@mail.ru](mailto:asya_v-07@mail.ru).



# COLONEL WILLIAM CLARK FALKNER: ON THE WAY TO THE CONSOLIDATION OF THE NORTH AND THE SOUTH

A. Volodina

Moscow State Institute of International Relations (University),  
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

**The Abstract:** *The article studies the life and work of William Clark Faulkner (1825-1889), the great-grandfather of the famous writer. It examines how much of the real Southern Colonel-Cavalier is reflected in the legend and to what extent his figure is mythologized. We compare the real Colonel with the characters of W.K. Faulkner's books. The main work of Colonel Faulkner as a writer is the novel "The White Rose of Memphis", which became a bestseller in the South. The genre peculiarity of the novel "The White Rose of Memphis" is considered typical of Southern prose, with allusions to works by Walter Scott, W. Shakespeare and W.G. Simms, the main novelist of the South of the 19th century. In the focus of the article is the ideological content of the novel, the transformation of the canons of the Southern Chevalier's image. Remaining formally faithful to them, Faulkner breaks with it ideologically, presenting a new type of a hero who abandons the outdated in the new unified America Code of Honor of the Southern Cavalier. Combining the virtues traditionally attributed to the North (practicality, business mind, calculation) and the South (courage, generosity, benevolence), the new hero is able to reconcile hostile ideologies.*

**Key Words:** *Colonel Faulkner, literature of the Old South, Southern myth, Southern honor, Southern cavalier, lost cause, Sartoris, Unvanquished.*

## References

1. Alent'eva, T.V. Pisatel' i zhurnalist Iuga Uil'iam Gilmore Simms: ot teorii iuzhnogo natsionalizma k setsessii [Alentieva T. The southern writer and journalist William Gilmore Simms: from the theory of nationalism to the secession] [Elektronic resource]. – URL: <http://america-xix.org.ru/library/alentieva-simms/>.
2. Anastas'ev N.A. Vladel'tsy Ioknapatofy (Uil'iam Folkner) [Anastasiev N. Owner of Yoknapatawpha (William Faulkner)] / Pre-disl. N.Polka. – M.: Kniga, 1991.
3. Bashmakova, L.P. Pisateli starogo Iuga D.P. Kennedi i U.G. Simms [Bashmakova L. Writers of the Old South J. P. Kennedy and W.G. Simms] / Izd-e 2-e, ispr. i dop. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2011.
4. Morozova I.V. «Iuzhnyi mif» v proizvedeniiakh pisatel'nits Starogo Iuga [Morozova I. "Southern myth" in works of female writers of the Old South]. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosuniversiteta, 2004.
5. Faulkner W. The Unvanquished: The Corrected Text. – N.Y.: Vintage Books, 1991. (Russ. ed.: Folkner U. Nepobezhdennye// Folkner U. Sobr. soch.: 6 t. – Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1985. – T. 3– S. 7-171.)
6. Faulkner W. Sartoris / Foreword by R. Cantwell; afterword by L. Thompson. – N.Y.: New American Library, 1964. (Russ. ed.: Folkner U. Sartoris. Shum i iarost' / Per. O. Soroki // Folkner U. Sobr. soch.: 6 t. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1985. T. 1.)
7. Folkner U. Stat'i, rechi, interv'iu, pis'ma [Faulkner W. Articles, speeches, interviews, letters] / Sost. i obshch.red. A.N.Nikoliukina / Per. s angl. – Moscow: Raduga, 1985.
8. Blotner J. L. Faulkner: A Biography. – N.Y.: Random House, 1984.
9. Contwell R. Recollections of a Gifted family //ed. M. Thomas Inge / Conversations with William Faulkner. – UP of Mississippi, 1999. – p. 30-41.
10. Faulkner W. The White Rose of Memphis. – NY: M.A. Donohue & Co, 1909. [Electronic resource] – URL: <http://www.gutenberg.org/files/41134/41134-h/41134-h.htm>
11. Lion in the Garden: Interviews with William Faulkner (1926-1962) / Ed. J.B. Meriwether, M. Millgate. – Lincoln (NE): University of Nebraska Press, 1988.
12. Taylor W.R. Cavalier and Yankee: The Old South and American National Character. – Cambridge (MA): Harvard UP, 1961.
13. The Companion to Southern Literature: Themes, Genres, Places, People, Movements, and Motifs / Ed. J. M. Flora; L. H. Mackethan. – Baton Rouge (LA): LSU Press, 2002.
14. Wildmon A. Colonel William C. Faulkner: Death on the Courthouse Square. – Denver (CO): Outskirts Press, 2011.
15. Williamson J. William Faulkner and Southern History. – N.Y.: Oxford UP, 1993.
16. Wyatt-Brown B. Southern Honor: Ethics and Behavior in the Old South. – Oxford (U.K.): Oxford UP, 1983.

***About the author:***

**A.V. Volodina** –senior lecturer of Estonian language, Department of North European and Baltic languages MGIMO. Spheres of research and professional interest: Literature of the Old South, Faulkner, T.N. Page, T. Dixon, Estonian language and culture. E-mail: asya\_v-07@mail.ru.

\* \* \*